

Игорь Потоцкий

Из разных тетрадей

*

Я родился на улице Прохоровской – напротив сквера,
где в 41-м собирали евреев
и вели на расстрел, – день был бледным и серым –
а полицаи орали: скорее, скорее!
Били стариков по спинам и лицам,
женщин обкладывали трехэтажным матом,
и евреи вытянулись вереницей,
ангел смерти над ними повис совсем рядом.
Он, наверное, плакал, находясь над ними,
и сквер плакал, и ветер плакал осенний,
а колонна с будущими мертвецами
вытянулась на три километра.
Трехкилометровая эта колонна,
вытянувшаяся змеею без жала,
шла на убой тяжело, обреченно,
от безысходности вся дрожала.
Вот-вот заговорят пулеметы,
вот-вот покроют трупы овраги,
вот-вот глаза обреченных погаснут,
будто они – поминальные свечи.
Мой дядя Борис, моя тетя Роза
в этой колонне бредут на убой
и вырваться из нее слишком поздно,
и дым над ними пороховой.
...Потом мне скажут, что устали
евреи читать про войну и смерть,

что румыны совсем другими стали,
немцы совсем другими стали,
полицаев давно уже перевоспитали,
они выбыли из списков живых – их нет.
И только ангел смерти суровый
мне шепчет по ночам: не сдавайся – пиши!
В черновике кровоточит слово,
над сквером не летают голуби и стрижи.

Картинки из одесского детства

Моя бабушка Циля готовит чай,
добавляя айву на вкус.
А за окнами май, и ушла печаль,
а за ней побежала грусть.
И цветет сирень. И стоит ясный день.
Солнце в небе глаза слепит.
А у бабушки Циля так много дел,
и все сделать она спешит.
И на кухне сейчас настоящий бедлам –
там готовится вкусный обед.
Ах, за эту тюльку я жизнь отдам,
ее лучше на свете нет.
Ах, какой у бабушки красный борщ,
он на клоуна нос похож.
Этот борщ, разумеется, всем хорош,
а за окнами дождь-и-дождь.
И по стеклам капли, будто смешки,
и по клавишам жизнь течет.
Как обычно, бабушка ищет очки,
и мурлыкает песенку кот.

*

Вновь бабушка приходит поздней ночью
и говорит: – Тебе не страшно, Гарик?

Ты почему смеешься очень редко
и слишком мало пишешь, не пойму.
На бабушке потрепанная шубка,
у бабушки прекрасная улыбка,
она сейчас летит вдоль Молдаванки
и снова возвращается ко мне.
Попал я снова в детство. Так случилось.
Отринул много лет я, как философ,
а бабушка смеется совсем тихо
и что-то очень долго говорит.
Потом мы с ней гуляем Молдаванкой,
где все друзья кричат:
– Спокойней, Гарик!
И я уже спокоен, как картинка,
где дерево и больше ничего.
И я люблюсь деревом и морем,
и Молдаванкой, и от счастья плачу,
хоть раньше я не плакал никогда.
А бабушка уходит по ступенькам,
что сразу исчезают. Ее голос
пророчит мне, что снова буду счастлив,
а я иду со школы и смеюсь.

Одесса после дождя

Облако рисует сказочный город,
необыкновенный город у Черного моря,
а для его создания нашелся внезапный повод –
дождь отзвучал, нет печали уже и горя.
На улице Дерибасовской заполнены все кафешки,
дороги не имеют рытвин, только яркие краски.
И у этого города божественная усмешка,
будто у королевы из андерсеновской сказки.

*

Ты бежала по лестнице, самой крутой
и шумела травой, и звенела листвою,
и кружилась пластинкой, где ноты звучат,
но сегодня звучали они невпопад.
Ты – свеча, ты – огонь, ты – печали на слом
и когда остаемся с тобою вдвоем,
сто зигзагов судьбы проявляются вмиг.
Они – радуга в небе, я это постиг.
И волшебник приходит, он чуточку пьян.
Он роман дописал. Получился роман.
В нем сто строк о тебе. О тебе в ноябре.
А еще в том романе эссе о добре,
о светящейся линии наших удач.
Ты, смеясь, говоришь: не волшебник – трепач.
Я люблю трепачей, трубачей, сто свечей
и мерцание женских прекрасных очей,
а еще робкий взгляд – взгляд не ради наград,
обещающий мне снегопад, звездопад.
Я бегу за тобой, я весь полон тобой,
что шумела травой и звенела листвою,
пропадая, как тень, возвращаясь, как день,
предвещая всегда мне волшебную звень.

*

Вот сумерки с тобою говорят,
да и со мною. И непредсказуем
твой робкий взгляд, где светлячки горят,
где рисовать друг друга мы рискуем.
Невидимые облака скользят,
и звезды загораются, как свечи,
и я поверил: время раны лечит
сердечные неделями подряд.
В тех сумерках нет грусти и тоски,
когда строка, что чиркает, как спичка,
проносится, и дальше катит бричка,

и мы с тобою в сумерках близки.
В тебе славянки кровь, я – иудей,
и ветер возникает вдруг не резкий,
и я весь помещен в горсти твоей,
и бродит во мне долго дух одесский,
свои стихи слагая наугад
про маленьких собачек и котят.

